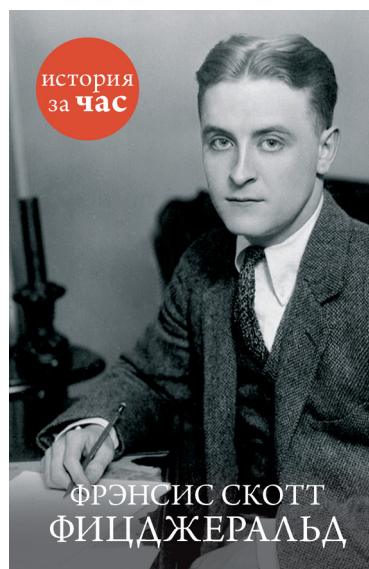

История за час

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

«Азбука-Аттикус»

2015

Фрэнсис Скотт Фицджеральд / «Азбука-Аттикус», 2015 — (История за час)

За свою короткую и яркую жизнь Фрэнсис Скотт Фицджеральд (1896–1940) увековечил блистательную эпоху, названную им «веком джаза», в поразительном литературном наследии – романах «Великий Гэтсби», «Ночь нежна», «Последний магнат» и множестве рассказов, ставших символом так называемого «потерянного поколения». Много лет подряд его произведения экранизируют при участии знаковых звезд Голливуда. Тонкий психолог, истинный художник Фицджеральд создавал ни с чем не сравнимые тексты, с необычайной точностью передавая образ времени, в котором ему выпало жить. Фрэнсис Скотт Фицджеральд – один из самых востребованных и любимых авторов, к его книгам читатели возвращаются на протяжении всей жизни. Его биография сродни его произведениям – лиричная, грустная и утонченно-элегантная.

, 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Введение	6
Юные годы	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Автор-составитель Алан Кубатиев

Фрэнсис Скотт Фицджеральд.

История за час

© Текст, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
КоЛибри®

* * *

Если мерить личность ее умением себя проявить, то в этом человеке было нечто поистине великолепное, какая-то повышенная чувствительность ко всем посулам жизни, словно он был частью одного из тех сложных приборов, которые регистрируют подземные толчки где-то за десятки тысяч миль. Эта способность к мгновенному отклику не имела ничего общего с дряблой впечатлительностью, пышно именуемой «артистическим темпераментом», — это был редкостный дар надежды, романтический запал, какого я никогда ни в ком не встречал и, наверное, не встречу¹.

Ф. Скотт Фицджеральд

¹ Здесь и далее «Великий Гэтсби» цитируется в переводе Е. Калашниковой.

Введение

Фрэнсиса Скотта Фицджеральда опередили многие – даже те, кто пришел в литературу следом за ним, оказались при жизни удачливее.

Он не стал нобелевским лауреатом, как еще при его жизни Синклер Льюис (1930), Юджин О'Нил (1936) и Перл Бак (1938), а после его смерти Уильям Фолкнер (1949) и его полудруг Эрнест Хемингуэй (1954). Но его переиздают и будут переиздавать; еще в СССР вышел трехтомник его сочинений, не считая множества отдельных изданий. Трудно перечислить языки, на которые его переводили.

Кино и телевидение не оставляют его в покое – одного только «Великого Гэтсби» (The Great Gatsby, 1925) с 1926 по 2013 г. экранизировали пять раз, а по прекрасному маленькому рассказу «Забавный случай с Бенджамином Баттоном» в 2008 г. снят утомительно огромный и роскошный фантастический фильм, весь в звездах американского кино. Фильмы, мюзиклы, телесериалы, театральные постановки делают уже и о нем самом, и о неотделимой от его жизни Зельде. Фицджеральда играл сам Грегори Пек – ну кто из нас отказался бы быть сыгранным самим Грегори Пеком?

Фицджеральд считался и считается автором, чья звезда взошла в 1920–1930-х гг., писавшим об очень коротком промежутке американской жизни и очень небольшой и обособленной группе американцев. Сто лет ему исполнилось бы еще в прошлом веке.

Через шесть лет наступит столетие его первого романа, через одиннадцать – век его самому прославленному шедевру. И все же он остается близок людям, которые живут сейчас. И не только американцам. На вопрос, почему он по-прежнему с нами, ответить непросто. Одно лишь внешнее сходство его времени с нашим вряд ли объяснит эту привязанность.

То самое Lost Generation, «потерянное поколение», придуманное или подмеченное Гертрудой Стайн, обернулось частью послевоенной культуры всего тогдашнего мира, ее изобразителями и материалом одновременно. Стайн пересказала Хемингуэю ворчливое замечание француза, владельца автомастерской, раздраженного равнодушием молодого механика к своей работе, и философски заметила: «Вы все такие. Все вы – потерянное поколение... все вы, молодые, кто был на войне»². Французское *génération perdue* можно перевести и как «заблудившееся поколение». Поколение утративших цель, направление, блуждающих – выживших, но духовно контуженных.

Хемингуэй рассказал об этом эпизоде в книге воспоминаний «Праздник, который всегда с тобой» (A Moveable Feast, 1964), вышедшей после его смерти; а прославил укороченную реплику Стайн, да и саму Стайн в своем первом романе «И восходит солнце» (The Sun Also Rises, 1926), где, ничего не объясняя, сделал эти слова одним из эпиграфов, горьким и чеканным, после которого другого имени его сверстникам не было.

Почему не воевавшего, вполне успешного к тому времени Фрэнсиса Скотта Фицджеральда сочли и считают человеком из того же корпуса побежденных победителей?

Молодые литературные звезды 1920-х были безразличны к своему прошлому, особенно к той его части, что была связана с красноречием проповедников и биржевыми страданиями газет. Чуть больше они считали себя обязанными фронтовому и окопному прошлому, но ценность его определялась возможностью хотя бы сознавать себя непричастными к духовному банкротству довоенной Америки. Новый опыт давил: его надо было выписать из себя, to write out of one's system. «Малое Возрождение», по словам Максвелла Гайсмара, составили «...выходцы из всех уголков и закоулков страны от дос-пассосовского Гарварда

² Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. Перевод М. Брука, Л. Петрова и Ф. Розенталя.

до мичиганских лесов Хемингуэя и калифорнийского побережья Робинсона Джефферса. Юг тоже был чреват целым выводком «беглецов» и почвенников»³ [2, 422].

Очарование-разочарование нового времени настигало даже тех, кто не узнал вкуса военного пайка. Американские писатели 1920-х мечтали покончить с банальной повествовательностью, трафаретному сюжету и завлекательной концовке тоже был вынесен приговор. Европейские литературные эксперименты и богатство национального материала дали неожиданный результат. Никто из современных писателей так не жаждал совершенствовать свое мастерство, и никому не предоставлялось для этого столько благоприятных возможностей, как писателям этой группы.

Одновременно талант одиночки стал значить гораздо больше, чем причастность к литературной школе. Зельда Фицджеральд в своей книге «Этот вальс за мной» (*Save Me the Waltz*, 1932) писала, что знаменитым слыл тогда каждый. В этом мире всегда было кэрроловское «время пить чай» или еще более безумное «три часа утра», там никому не было дела до пролетариата и забастовок. Г. Л. Менкен ядовито замечал, что сотни тысяч второстепенных знаменитостей оглашали шумом и звоном десятки тысяч далеких и уединенных деревушек. Но «...молодые писатели в отличие от большинства своих робких и несамостоятельных предшественников стремятся изучать страну из первых рук и пытаются писать о ней чисто американским языком. Это пионеры новой литературы, которая, какими бы ни представлялись ее недостатки, стремится по крайней мере к правдивому отражению жизни народа... В одной лишь Америке роман, драма и поэзия обнаруживают после войны безыскусственную и бьющую через край детскую энергию. Нередко им не хватает хороших манер, изысканности, и они шокируют педантов, но в них ощущается дыхание жизни, которая не близится к концу, а, напротив, только начинается»⁴ [2, 424].

Карнавальная жизнь (А. Зверев [3, 517]), демонстративное пренебрежение моралью и запретами в немалой мере подстегивалось ощущением уходящей эпохи бунта и того, что принималось за возможность раскрепощения, – успеть догулять, докуролесить, посчитаться с нудными правилами... Завораживающий Нью-Йорк начала 1920-х гг., Нью-Йорк орхидей и золотых саксофонов, дубовых панелей и бархатных гардин, «переливавшийся всеми цветами первозданного мира», где полудети-полувзрослые вглядывались в лиловые сумерки за окнами ресторана «Дельмонико» на Сорок четвертой, а холодный рассвет согревали коктейлем у «Чайлд» на Пятьдесят девятой стрит. Звероподобные автомобили с затейливым декором и кучей хромированных элементов, танцевальные марафоны, пышные приемы и балы, сказочные особняки и яхты, набриолиненные прически и нитки жемчуга до круглых коленок в блестящих шелковых чулках...

Изданный в 1945 г. посмертно сборник эссе и очерков был назван по итоговому ощущению текстов – «Крах» (*The Crack-Up*), но уже в 1922 г. Ф. Скотт Фицджеральд мог засвидетельствовать, что все это национальное величие имело и обратную сторону. В беспорядочном, но подкупающе искреннем первом романе Фицджеральда, опередившего и Хемингуэя, и Олдингтона, и Ремарка, довольно сумбурно излагаются наблюдения и размышления типичного молодого человека того времени, демобилизованного Питера Пэна, не желающего взрослеть, но знающего, что это неизбежно. Хемингуэевский *Movable Feast* здесь оборачивался все более унылым в своей добросовестности развратом, алкоголизмом и саморазрушением, в котором нередко запутывались те, кто искренне хотел стать значительнее обывателя, порвать с американским филистерством.

Внешне все было чрезвычайно ярко и соблазнительно, внутренне – оборачивалось жестоким крушением, не всегда полностью перечувствованным даже самыми справедли-

³ Перевод А. Николукина.

⁴ Перевод А. Николукина.

выми мемуаристами. Это была не какая-то жуткая средневековая порча с нищетой, язвами, лохмотьями. Тут все было иначе – изматывающий праздник, танцевальный марафон, как в фильме Сиднея Поллака «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» (They Shoot Horses, Don't They, 1969), праздник, который, как проклятье, всегда с тобой. Англичанин Ричард Олдингтон, тоже из «потерянных», в романе «Смерть героя» (Death of a Hero, 1929) за несколько часов до окончания войны милосердно выводит героя на бруствер, под очередь тяжелого немецкого пулемета, потому что знает – потом жить будет незачем.

Сценарист Бадд Шульберг, работавший с Фицджеральдом в Голливуде, писал, что он был контужен взрывами войны, на которой даже не побывал. Чувство, что они вернулись не в ту страну, из которой уходили на фронт, у «потерянного поколения» удвоилось ощущением собственной ненужности в измененном войной мире. Фицджеральд был его частью, но стал его колоколом – он отзвонил по нему, по его скрываемому отчаянию и невнятным мыслям, и остался в этой роли навсегда.

Юные годы

Скотт Фицджеральд родился в 1896 г. в городе Сент-Поле штата Миннесота, во вполне состоятельной буржуазной семье, где смешались английские и ирландские корни. Сократим имя писателя до инициалов – ФСФ. Американцы позволяют себе это и с самыми знаменитыми персонажами. Назвали его в честь брата прапрадедушки, Фрэнсиса Скотта Ки, знаменитого автора текста американского гимна «Звездно-полосатое знамя», и Луизы Скотт, одной из двух его сестер, умерших вскоре после его рождения. Среди других примечательных родственников – Мэри Сюррат, повешенная по приговору суда за участие в убийстве президента Линкольна.

Город Сент-Пол, штат Миннесота, его родина, – это Средний Запад. Голливуд, штат Калифорния, где он умер в 1940 г. от инфаркта, – это Запад. В самом известном его романе «Великий Гэтсби», где действие происходит на побережье Нью-Йорка, рассказчик признается, что это «...в сущности... повесть о Западе... мы с Запада, и, быть может, всем нам одинаково недоставало чего-то, без чего трудно освоиться на Востоке...»

Его отец Эдвард Фицджеральд, мэрилендец из почтенной семьи, мальчишкой переправлял шпионов-южан через реку, в тыл янки. Женился он уже немолодым на дочери ирландского эмигранта-католика. Отец не сумел вести бизнес по изготовлению плетеной мебели, потом не сумел ее продавать, потом – торговать у Procter and Gamble, хотя переехал ради этого в Буффало, затем в Сиракузы (Нью-Йорк) и снова в Буффало, что было не просто переездом, а переездом к ненавистным северянам. Но вернуться в чванный Сент-Пол все же пришлось, и жить на деньги жены тоже, и очень рано ФСФ стал считать отца воплощением неудачи.

Семья Фицджеральда с рождения обеспечила Скотту положение, оказавшееся одновременно и вполне надежным, и очень уязвимым. Такая разность потенциалов для восприимчивой натуры становится неисчерпаемым источником впечатлений и опять-таки одновременно желания от них избавиться. С раннего детства Фицджеральд видел вокруг пышность и богатство лучшей части старого южного города. Но даже скромный дом, где они жили, им не принадлежал, и те, кто обитал по соседству на престижной Саммит-авеню, например железнодорожный магнат Джеймс Хилл, считали его родителей недостаточно состоятельными, чтобы признать их равными себе.

Поначалу и ему казалось, что богатые защищены от многих бед и удача пасется только на их лугах. Этот миф закрепился на поверхности его биографии и благодаря полудругу Хемингуэю, который в «Снегах Килиманджаро» приписал ему знаменитую оценку рассказчика из рассказа ФСФ «Молодой богач»:

Вот перед нами молодой богач, и я расскажу именно о нем, не о его братьях. С братьями его связана вся моя жизнь, но он был мне другом. Кроме того, возмись я писать про этих братьев, мне пришлось бы первым делом обличить всю напраслину, какую бедняки возвели на богачей, а богачи на самих себя, – они нагородили столько диких нелепиц, что мы, открывая книгу о богачах, неким чутьем угадываем, сколь далека она от действительности. Даже под пером умных и беспристрастных описателей жизни мир богачей оказывается таким же фантастическим, как тридевятое царство. Позвольте мне рассказать об очень богатых людях. Богатые люди не похожи на нас с вами⁵.

⁵ Здесь и далее «Молодой богач» цитируется в переводе В. Хинкиса.

Следом за Хемингуэем цитирующие очень часто тут и останавливаются. Но дальше в «Молодом богаче» сказано куда жестче:

С самого детства они владеют и пользуются всяческими благами, а это не проходит даром, и потому они безвольны в тех случаях, когда мы тверды, и циничны, когда мы доверчивы, так что человеку, который не родился в богатой семье, очень трудно это понять. В глубине души они считают себя лучше нас, оттого что мы вынуждены собственными силами добиваться справедливости и спасения от жизненных невзгод. Даже когда им случится нырнуть в самую гущу нашего мира, а то и пасть еще ниже, они все равно продолжают считать себя лучше нас. Они из другого теста. Единственная возможность для меня описать молодого Энсона Хантера – это рассматривать его так, будто он иностранец, и твердо стоять на своем. Если же я хоть на миг приму его точку зрения, дело мое пропащее – мне нечего будет показать, кроме нелепой кинокомедии.

Он быстро избавляется от этой иллюзии, понимая, что богатые и вправду особая раса, только не человеческая, а социально-экономическая, и что в жизни людей они играют особую роль. Очень часто – разрушительную. Но другого пути к удаче нет. И кроме того, в американской традиции четко различаются нувориши, кто нажил деньги недавно, «питтсбургские миллионеры», как назвал их О. Генри, и «старые деньги», финансовая аристократия в нескольких поколениях. ФСФ почти без исключений писал об американцах, разбогатевших недавно и, в общем, не понимающих, что им это дало.

Богата именно так была мать Скотта, Молли Макквиллан, – ее отец, упорный и предприимчивый ирландский переселенец, сумел стать крупным оптовиком-бакалейщиком. Молли была чудаковата, взбалмошна, дурно одевалась, хотя и не пропускала ни одного приема или званого ужина. Но своей в кругу старой южной аристократии ее не считали. Не спасало и то, что она была интеллигентна, умна и много читала. Для золотой молодежи Сент-Пола куда увлекательнее было встретить ее на променаде в туфлях разного цвета или бесформенной шляпе непонятного происхождения. Фицджеральд очень рано ощутил, как окружающие воспринимают Молли, и начал сторониться ее. Принято считать, что именно сумасбродная мать, потерявшая до этого двоих детей, испортила Фрэнсиса Скотта, оплачивая все его желания и стараясь подчинить сына своим. Повзрослев, он не изменил этого отношения и, живя временами только на ее деньги, почти не впускал Молли в свою жизнь, считая мать досадным затруднением, хотя и несколько иным, чем отца. В крушении Эдварда было больше трагедии, гибельности, легенды о прекрасном старом Юге и алчном, беспощадном Севере.

В 1908 г. Эдварда уволили из Procter and Gamble, что подкосило его окончательно, семья вернулась в Миннесоту, чтоб жить на деньги Молли, и некоторое время они переезжали с места на место в Сент-Поле, затем осели в том самом весьма престижном районе. Родители, истовые католики, учили его в католических школах, и это не прошло даром – школьное воспитание у католиков, особенно у иезуитов, поставлено очень действенно, к тому же и Скотт оказался умным, нервным и талантливым мальчиком, жадно и много читавшим, обожавшим театр и всюю пробовавшим писать. Время у него было – мать почему-то добилась для него разрешения посещать школу только для половины занятий, и он сам выбирал каких.

Школьный журнал Now and Then напечатал его первый текст, детективный рассказ, – ему тогда было пятнадцать, и он безудержно подражал А. К. Дойлу. Успешный оратор и диспутант, завсегдатай элитного танцкласса, яхт-клуба, ФСФ ставит для себя и своих друзей спектакли по собственным пьесам, собирающим все больше зрителей. Когда ФСФ пере-

бирается в Нью-Джерси, в еще более знаменитую католическую Newman School, он то и дело уезжает в Нью-Йорк, чтоб посмотреть очередной спектакль уже в профессиональном театре. Забегая вперед, можно сказать, что Фицджеральду и потом хотелось стать знаменитым драматургом, а театр казался ему надежнее и с точки зрения заработка, но... взрослому не прощалось то, что умиляло в вундеркинде.

На каникулах в Сент-Поле он ставит новую пьесу, «Пойманная тень», о джентльмене-взломщике – успех и очень солидные сборы, но гонорар автору не предполагался, спектакль был благотворительный. Светская хроника местных газет одобрила юного автора и юных актеров. Еще успешнее прошла следующая «каникулярная» пьеса, «Трус», уже историческая и, само собой, о Гражданской войне: просторный зал YWCA, Ассоциации молодых христианок Сент-Пола, дал аншлаг, и потребовался второй спектакль для элитного яхт-клуба.

В Нью-Джерси Скотт играет в сборной футбольной команде школы Ньюмена; мечту стать звездой американского футбола он оставил только в университете – не хватило массы и роста. В той же школе ему встретился преподобный Сигурни Фэй, отличный педагог и самоотверженный воспитатель, делавший все, чтобы Скотт не оставлял литературу. Их дружба продолжалась до самой смерти Фэя в январе 1919 г. Узнав о ней, Скотт писал своему другу Шейну Лесли: «Не могу даже сказать, что чувствую, узнав о смерти монсеньора Фэя – он был лучшим из моих друзей в этом мире...»⁶ [7, 43]. Скотт посвятит ему свой первый роман, первый вариант которого монсеньор успел прочесть и даже похвалить: «...чем дальше я читаю, тем замечательнее он мне кажется...»

(А в «Великом Гэтсби» мелькнет непооявившийся персонаж, тетя Джордан Бейкер, мисс Сигурни Хауорд. Ее имя потом возьмет юная школьница Сьюзен Александра Уивер и станет под ним кинозвездой, но в его экранизациях так и не сыграет. Зато сыграет Джессику по фамилии Фицджеральд в неплохой французской комедии...)

Закончив школу, ФСФ решает остаться в Нью-Джерси и в 1913 г. стать студентом одного из самых известных американских университетов, Принстона. На вступительных экзаменах он недобрал баллов, но сумел убедить апелляционную комиссию, что без него слава Принстона будет неполной. Слава звезды университетского футбола уже не суждена, значит, оставалось стать славой американской литературы. Но это требовало упорства и постоянства, а монсеньора Фэя рядом уже не было. Зато был прославленный студенческий музыкальный и театральный клуб «Треугольник», друзья – будущий знаменитый критик Эдмунд Уилсон и Джон Пил Бишоп, будущий известный поэт и романист. Каждый год «Треугольник» ставил музыкальную комедию, где, как некогда, все роли играли только юноши; после премьеры в университете труппа гастролировала по городам страны. Сперва ему не везло, но в 1914–1915 гг. ФСФ уже пишет тексты песен и диалоги для новой комедии года, а потом пробьется и в авторы.

Принадлежностью к университету он всегда гордился, но все же потом с горечью писал: «Никаких почетных жетонов, никаких наград...»⁷ [7, 60].

В Принстоне он укрепляет в себе «...прочное недоверие, враждебность к классу бездельников – не убеждения революционера, а затаенную ненависть крестьянина. В последующие годы я никогда не мог перестать думать о том, откуда появлялись деньги моих друзей, не мог перестать думать, что однажды нечто вроде права сенатора может быть использовано одним из них по отношению к моей девушке»⁸ [7, 232].

⁶ Перевод А. Кубатиева.

⁷ Перевод А. Кубатиева.

⁸ Перевод Я. Засурского.

Сент-Пол тоже не забыт. Летом 1914 г., невзирая на тревожные события в Европе, он пишет свою последнюю пьесу для Елизаветинского театрального клуба, с привычным успехом прошедшую в городе двумя представлениями. Городская пресса восторгается семнадцатилетним автором, но он много позже вспомнит свое тогдашнее ощущение какого-то конца: «Толпа еще только расходилась, и последние несколько зрителей еще разговаривали с ним, а он уже чувствовал, как огромная пустота наполняет его сердце. Все кончилось, все совершилось и ушло – вся эта работа, весь интерес и поглощенность ею. Пустота, подобная ужасу»⁹ [6, 144].

⁹ Перевод А. Кубатиева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.